

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 3 (137). С. 33–39.
Izvestiya of Altai State University. 2024. No 3 (137). P. 33–39.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Научная статья
УДК 94(47).084:069.013
ББК 63.3(2)614-361 + 79.147.11
DOI: 10.14258/izvasu(2024)3-04

Память о массовых политических репрессиях в региональных музеях: мнемонические стратегии и практики

Ольга Анатольевна Богатова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия, bogatovaoa@gmail.com

GENERAL HISTORY. SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES

Original article

The Memory of Mass Political Repressions in Regional Museums: Mnemonic Strategies and Practices

Olga A. Bogatova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia,
bogatovaoa@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа данных наблюдения, проведенного в Республике Мордовия, характеризуется содержание репрезентаций советских массовых политических репрессий в краеведческих и ведомственных музеях республик в составе Российской Федерации как административных регионов, относящихся к институциональному наследию советской эпохи. Выявляются социальные функции фрагментов музейных экспозиций, посвященных репрессиям в регионе, и основные стратегии коммеморации, включая историзацию (деактуализацию) травмы репрессий, акцентуацию связи с Гражданской войной и жертвами с обеих сторон конфликта. Исследуются проблематизация советского наследия как основы республиканской идентичности и использование советского культурного наследия. Автор констатирует интерес музейных работников к теме репрессий и ее экспонированию в форме эмоционального послания, объясняя различия репрезентаций советского прошлого в провинциальных краеведческих музеях с концепциями Государственного музея истории ГУЛАГа или музеев постсоциалистических стран

Abstract. Based on the analysis of observation data in the Republic of Mordovia, the article characterizes the content of representations of Soviet mass political repressions in local history and departmental museums of republics in structure of the Russian Federation as administrative regions belonging to the institutional heritage of the Soviet era, identifies the social functions of fragments of museum expositions devoted to repression in the region and the main strategies of commemoration, including historicization (deactualization) of trauma repression, emphasizing the connection with the civil war and the victims on both sides of the conflict, problematization of the Soviet heritage as the basis of republican identity and recycling of the Soviet cultural heritage in order to construct a positive corporate and territorial identity. Based on a comparison with the functions of modern memorial museums, the social functions of fragments of museum expositions dedicated to repressions in the region are revealed. Author states the interest of museum workers in the topic of repression and its exposure in the form of emotional message, explaining the differences between the representations of the Soviet past in provincial local history museums and the concepts

не только отсутствием профессиональной переподготовки, но и спецификой регионального социального контекста, разнообразием потенциальных исторических объектов для ретравматизации.

Ключевые слова: региональные музеи, советское прошлое, коллективная травма, социальная память, политические репрессии, коммеморация, мнемонические практики, Мордовия, регион, республики в составе Российской Федерации.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светослав» в рамках научного проекта № 1/2023.

Для цитирования: Богатова О.А. Память о массовых политических репрессиях в региональных музеях: мнемонические стратегии и практики // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №3 (137). С. 33–39. DOI: 10.14258/izvasu(2024)3-04.

Музей в современных социальных науках рассматривается как одно из институциональных «мест памяти», «институт прошлого», организующий «формы взаимодействия с прошлым» в том обществе, где он функционирует [1, с. 7], и формирующий рамки коллективной памяти. Как отмечают российские исследователи, в условиях цифровизации и глобализации информационной среды трансформируются не только формы, но и содержание работы музеев с аудиторией в пространстве «публичной истории» [1, с. 15–16]. Наряду с просветительскими, большое значение приобретают коммуникативные функции музеев, которые становятся площадками для проведения разнообразных публичных мероприятий, происходит эмоционализация и мультимедиазация музейных экспозиций как культурного текста, трансформирующегося в аффективное послание.

Этим тенденциям в максимальной степени соответствует деятельность мемориальных музеев, которые, по характеристике К. Симко, «объединяют архивные функции исторических музеев и коммеморативные функции мемориалов» [2, с. 56]. Э. Содаро выделяет такие основные социальные функции мемориальных музеев, как распространение правдивой информации при помощи документов и других материальных свидетельств прошлого, символическое возмещение пострадавшим и моральное воспитание аудитории с целью предотвратить повторение трагедии [3, с. 9–10].

Реализация этих функций в мемориальных музеях бывших социалистических стран отражает своеобразие исторической политики транснациональных «регионов памяти». Так, если концепция музеев памяти о социалистическом прошлом в странах Центральной и Восточной Европы, по характеристике Д. Колевой,

of the State Museum of Gulag History or museums of post-socialist countries not only by the lack of professional retraining, but also by the specifics of the regional social context and the variety of potential historical objects for retraumatization.

Keywords: regional museums, the Soviet past, collective trauma, social memory, political reprisals, commemoration, mnemonic strategies, Mordovia, region, republics in structure of Russian Federation

Funding: The article was prepared with the financial support of the Svetoslav Foundation for Russian Civilization (scientific project No. 1/2023).

For citation: Bogatova O.A. The Memory of Mass Political Repressions in Regional Museums: Mnemonic Strategies and Practices. *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №3 (137). P. 33–39. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)3-04.

отвечает политике «холокостизации коммунизма», примененной на практике в 90-е гг. XX в. в формах люстрации, реституции и судебных преследований бывших коммунистических функционеров [4, с. 31], то в России дискурсивные «рамки памяти» о массовых политических репрессиях, по утверждению З. Богумил [5, с. 7] и А.В. Голубева, сформировались «в советской и постсоветской публицистике конца 1980-х — 1990-е гг.» [6, с. 58–64].

С. Гаврилова утверждает, что для фрагментов экспозиций локальных краеведческих музеев, посвященных памяти о сталинских репрессиях, характерны такие доминирующие характеристики, как крайне редкое включение памяти о ГУЛАГе в контекст региональной истории, по преимуществу информативная, безэмоциональная модальность музейного нарратива, сводимого к подаче «объективных фактов» и подчеркивающего исторический характер этой информации, тенденция к забвению репрессий через деперсонализацию и деконтекстуализацию [7, с. 13], видя причины этих явлений в нехватке квалифицированных музейных работников и возможностей их переобучения, неразвитости языка повествования о сталинских репрессиях и унаследованной традиции прославления советского прошлого [7, с. 14].

В последнем исследовании обращает на себя внимание характеристика российской музейной коммеморации в терминах отклонения от гипотетической нормы, отождествляемой с политикой памяти Евросоюза. Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1096 «Меры по устранению наследия бывших коммунистических тоталитарных систем», установившей связь между люстрацией и демократизацией этих стран (1996 г.), относит к коммунистическому наследию все отклонения от демо-

кратических норм в общественной жизни этих стран [8, с. 274], ориентируя политику памяти этих стран в направлении презентистского темпорального режима, в котором прошлое постоянно остается частью настоящего и воспринимается в качестве источника актуальных проблем. Российская политика памяти о массовых политических репрессиях отражена в таких нормативных актах, как Закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» и федеральная Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий (2015 г.), которые определяют границы категории жертв репрессий, имеющих право на реабилитацию, порядок реабилитации и формы компенсации морального и материального ущерба, осуждая политические репрессии советского периода и обозначая четкую историческую границу с постсоветской Россией.

Описанные выше различия музейных мнемонических практик в России и странах Евросоюза, следовательно, можно соотнести с разными режимами историчности (модернистским или презентистским), усвоенными музейными специалистами в процессе профессиональной подготовки, и соответствующими формами обращения с травматическим прошлым, описанными Й. Рюзенем, а именно историзацией (деактуализацией в процессе описания в качестве трагической, но завершившейся цепи событий) и ретравматизацией как способом проблематизации исторического опыта [9, с. 59–61].

Предмет статьи составляет основное содержание музейных репрезентаций советских массовых политических репрессий в регионе и основывается на результатах наблюдения в музеях Республики Мордовия в 2019–2021 гг. В выборку полевого исследования вошли музейные экспозиции Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея (Саранск, 2020 г.), районные краеведческие музеи в с. Ельники и п. Кемля (2019 г.), виртуальная экскурсия по музею управления МВД по Мордовии в социальной сети ВКонтакте (2020) и обследованные в 2021 г. музей истории Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск), музей УФСИН по Республике Мордовия в п. Явас (Зубово-Полянский район).

Целью исследования была характеристика основных стратегий музейной коммеморации массовых политических репрессий советского периода в региональных музеях, задачами — характеристика социального контекста музеизации советского прошлого в обследованных музеях основного содержания фрагментов музейных экспозиций, посвященных истории массовых политических репрессий в республике, и выявление социальных функций этих экспозиций в сравнении с выделенными Э. Содаро функциями мемориальных музеев.

Социальный контекст увековечения памяти жертв массовых политических репрессий в Мордовии отражает своеобразие республик в составе Российской Федерации, которые сами по себе относятся к институциональному наследию советской эпохи. Выделенные в качестве административных регионов в советский период, они стали объектом целенаправленной модернизации, включая индустриализацию, развитие образовательных, культурных и научных институтов в качестве «фабрик этничности», повышение статуса уездных городов до региональных «столиц». Сокращение федеральной помощи и трансформационный спад экономики в период реформ 90-х гг. XX в., последствия которого ощущаются по настоящее время, сделали эти республики объектом постсоветской травмы, а советское прошлое — объектом не только дистанцирования, но и ностальгии, а также ресурсом для конструирования постсоветской региональной идентичности.

Все это в полной мере относится к Мордовии, созданной в 1930–1934 гг. из фрагментов четырех губерний Поволжья в качестве первоначально автономной области, а затем — автономной республики. В постсоветский период в республике практически не было случаев смены идеологически значимых названий улиц или сноса советских памятников. Меморизация массовых политических репрессий встраивается в уже имеющуюся мемориальную инфраструктуру, придавая ей агонистический (соревновательный) характер. Так, сотрудница краеведческого музея Ичалковского района, услышав о цели исследования, показала автору фотографию коммунистов — жертв крестьянского восстания 1931 г., памятник которым находится на площади возле здания РДК в п. Кемля, где размещается музей. В Саранске памятник борцам за советскую власть возле могилы бойцов продотряда, убитых крестьянами, располагается на одной из центральных улиц неподалеку от Трехсвятской церкви, здание которой в советский период занимал республиканский краеведческий музей.

Обследование мемориальной инфраструктуры памяти о массовых политических репрессиях в Мордовии выявило множественность мнемонических акторов и нескоординированность их интересов. В республике нет тематических музеев, посвященных репрессиям, однако связанные с ними исторические сюжеты представлены в экспозициях краеведческих и ведомственных музеев. Краеведческие музеи отводят теме массовых политических репрессий отдельные фрагменты экспозиции, интерпретируя их как часть истории того или иного административного региона и представляя их в качестве событий, в той или иной степени повлиявших на историю местного сообщества или региона.

Концепции ведомственных музеев фокусируются на последствиях репрессий для персонала этих

организаций. Так, в музее истории Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, в котором проводят экскурсии со всеми студентами первого курса очной формы обучения, размещены портреты репрессированных руководителей и преподавателей, в том числе высланных за пределы крупных городов и вынужденно работавших в Мордовском университете, воспроизводится обстановка письменного стола. В экспозиции представлены официальные и эгодокументы и личные вещи жертв репрессий, подаренные музею их родственниками во второй половине 1990-х гг. С точки зрения директора музейного комплекса, которая собирала эти предметы по собственной инициативе, эта выставка представляет собой знак уважения и признания вклада репрессированных в становление и развитие университета.

В республике отсутствует конвенциональный обиход «язык» описания и оценки репрессий, который использовали бы работники музеев, разработкой и популяризацией которого занимается, например, российская Ассоциация музеев памяти. Выбор содержания музейной экспозиции и форм его визуализации остается на усмотрение сотрудниками музеев и существенно ограничивается только их финансовыми возможностями. Например, в ведомственной «политике памяти» Управления МВД по Республике Мордовия коммеморация жертв массовых репрессий в основном сводится к увековечению памяти невинно пострадавших от них сотрудников ведомства, репутацию которых олицетворяет образ В.М. Ванда (Вальдшмидта), возглавлявшего управление в 1936 г.

Как можно заключить, исходя из содержания онлайн-экскурсии и надписи на памятнике, установленном в 2016 г. по инициативе МВД вблизи места массового захоронения жертв сталинских репрессий в Богоявленском овраге (Саранск): *«Жертвам репрессий 1930-х годов. В их числе — первый руководитель Управления народного комиссариата внутренних дел по Мордовской АССР, старший лейтенант государственной безопасности Ванд (Вальдшмидт) Вальтер Мартынович»*, временные рамки массовых политических репрессий в Мордовии в понимании сотрудников этого ведомства ограничиваются «массовыми операциями» НКВД 1937–1938 гг.

Во всех музейных экспозициях, как краеведческих (Мордовский республиканский, Ельниковский районный краеведческий музей), так и ведомственных, проблема массовых политических репрессий, если она вообще затрагивается, визуализируется в модальности их осуждения, в соответствии с общероссийскими «рамками памяти». Однако многие музеи полностью или частично ее обходят. Так, в Мордовском объединенном краеведческом музее им. И.Д. Воронина, экспозиция которого была существенно обновлена в 2017 г. в процессе переезда в новое здание музейно-архивно-

го комплекса, упоминания о республиканском отделении ГУЛАГа — Темлаге (впоследствии Дубравлаге) отсутствуют.

Вопреки мнению С. Гавриловой о преимущественно деперсонализированной и объективистской подаче местными краеведами информации о массовых политических репрессиях, в музеях Мордовии также прослеживается тенденция к эмоционализации музейной коммуникации, хотя доступные им средства не всегда дают возможность получить желаемый эффект. Например, в Ельниковском районном краеведческом музее тема репрессий раскрывается через личные истории некоторых жертв. Жертвам репрессий посвящена большая часть одного из стендов, оформленного собственными силами сотрудников музея по принципу стенгазеты, с ламинированными надписями, сделанными от руки, и фотографиями. Часть стенда имеет общий заголовок «Репрессии», часть — «Первые комсомольцы», экспонировалась до обновления выставки. В том же зале представлен стенд, посвященный участию уроженцев Ельниковского района в Великой Отечественной войне.

В целом содержание экспозиции сопоставимо с содержанием известных заведующей музеем в связи с ее педагогической деятельностью учебных пособий для средней школы и исторических факультетов по истории Мордовии. Однако если учебники используют беспристрастную манеру подачи информации, ориентированную на разделение описания и оценки событий, в качестве атрибута экспертности, то выставка содержит эмоциональное послание, обращенное к семейной памяти и локальному патриотизму.

Раздел «Репрессии» содержит портреты и фотографии четырех из нескольких сотен репрессированных уроженцев Ельниковского района — двух индивидуальных предпринимателей, крестьянина, работника исполкома районного совета. В биографических справках содержатся сведения о социальном статусе и имущественном положении жертв, основных событиях их жизни, их заслугах перед местным обществом и содержании репрессий — лишение избирательных прав, высылка, заключение в лагерях, расстрел. В это музей, как и в республиканском краеведческом и ведомственных музеях региона, присутствует такая характеристика российских мемориальных музеев, не испытавших методического влияния Государственного музея ГУЛАГа (ГМИГ), как персонализация личности репрессированных и концентрация на травме, но не виновниках репрессий.

Республиканский краеведческий музей включил в обновленную в 2017 г. экспозицию, наряду с традиционной реконструкцией интерьера избы зажиточного крестьянина, представленной и в районных краеведческих музеях в Ельниках и Кемле, также макет входной двери в тюремную камеру, напомина-

ющий музей ГУЛАГа в Москве. Дверь с зарешеченным окошком обклеена советскими газетами конца 1930-х гг. с текстами, призывающими к расправе над «врагами народа», но так как газетный шрифт не увеличен, распознать это послание может только очень внимательный посетитель. Рядом находятся две инсталляции из предметов религиозного культа, пострадавших от вандализма в процессе закрытия храмов: иконы и оклады, колокол, распятие, а также фотографии уничтоженных православных церквей. Директор музея считает эту часть экспозиции, демонстрирующую приверженность населения республики православной вере, уникальной в смысловом отношении. На наш взгляд, эти предметы производят более аутентичное впечатление по сравнению с бытовыми изделиями советского массового производства из раскопок Дальстроя, выставленными в ГМИГ.

В музеях Мордовии прослеживаются несколько основных стратегий коммеморации массовых политических репрессий, которые могут одновременно присутствовать в одной экспозиции.

1. Историзация в качестве травматического, но не составляющего основное содержание периода истории административного региона или учреждения реализуется при помощи демонстрации временных институциональных и биографических рамок (четкая датировка, черно-белые фотографии, характерные артефакты и документы).

Реализация этой стратегии на основе профессиональных навыков сотрудников превращает краеведческий музей в площадку локального мнемонического активизма. Так, директор Ельниковского районного краеведческого музея Е.В. Никишова, обнаружив в фондах музея переданные в него из районного архива документы органов власти 1920–1930-х гг., стала предлагать ученикам местной школы, где она преподавала, собирать семейные воспоминания и участвовать в конкурсе сочинений «Человек в истории» до 2015 г., в период, когда его жюри возглавлял известный российский историк С.О. Шмидт. Призовые сочинения ее учеников были изданы в сборниках («Как наших дедов забирали» и т.д.).

Другим результатом этой деятельности стало издание на пожертвованные средства нескольких иллюстрированных сборников по устной истории Ельниковского района, основу которых составили сочинения школьников и документы из их семейных архивов и музейной экспозиции. В музее представлены экземпляры сборников «Ельники», «Ельниковцы», рукописи конкурсных сочинений, фотографии и предметы быта, интерьеры крестьянских домов.

Стратегия историзации преобладает и в республиканском, и в районных, а также ведомственных музеях, в том числе музее Мордовского УФСИН, где прослеживаются, с одной стороны, дистанцирование от ГУЛАГа, с другой — установка на использова-

ние технологий «живой истории», вызывающих интерес к советской повседневности, сопереживание людям того времени. Периоду ГУЛАГа посвящены стенды «Первые шаги Темлага» и «Горькая память и боль», между которыми расположена карта Zubovo-Полянского района с исправительно-трудовыми лагерями, макеты п. Явас 1930–1940-х гг. На первом стенде размещена информация об истории Темлага (впоследствии Дубравлага) в 1930–1940-е гг., включая фотографии руководителей лесозаготовительных работ, колоний и лагпунктов. На столе размещен макет п. Явас, а пояснительные надписи сообщают о создании в 1931 г. в системе ГУЛАГа ОГПУ учреждения под названием «Темлаг», содержат даты основания поселков Явас и Потьма, строительства железной дороги Потьма — Барашево, информацию о специализации Темлага на лесозаготовках для снабжения Москвы деловой древесиной и дровами.

Пояснительная надпись к стенду «Горькая память и боль» с портретами наиболее известных политических заключенных сообщает о том, что в Темлаге отбывали наказание жертвы массовых политических репрессий, включая известных ученых, деятелей культуры, семьи советских военачальников и государственных деятелей, а также позднесоветские диссиденты. Общая численность политических заключенных оценивается в несколько тысяч за весь период истории мордовских лагерей. Вместе с тем содержание выставки и комментарии экскурсовода — сотрудницы УФСИН — дают посетителям понять, что функция политических репрессий ограничена определенным периодом его истории и никогда не являлась основной. Акцент на преобладании уголовников в советской пенитенциарной системе проявляется и в пространственном отделении стенда, посвященного политическим репрессиям, от другой информации о развитии Темлага.

2. Акцентуация связи массовых политических репрессий с гражданской войной и жертвами с обеих сторон в музейных экспозициях прослеживается, кроме Кемли, в республиканском краеведческом музее, где в одной витрине зала советского периода выставлены крестьянская верхняя одежда — чапан, напоминающая о «чапанной войне», охватившей в 1919 г. несколько уездов и сопровождавшейся убийствами продотрядовцев, чекистов и других представителей советской власти, и скульптурный портрет сотрудницы УЧК Паши Путиловой, убитой в 1918 г. вместе с сопровождавшими ее красноармейцами крестьянами, принявшими их за продотряд. Смысл этого фрагмента заключается в совмещении противоположных перспектив в оценке увековечиваемых событий и призыве к размышлениям о мотивах, побуждавших их участников поступать так, а не иначе.

3. Проблематизация советского наследия как основы республиканской идентичности в части экспози-

ции республиканского краеведческого музея, посвященной созданию мордовской автономии. Завершая осмотр витрины, где размещены этнографические предметы (мокша-мордовская и эрзя-мордовская женская одежда), фотографии партийных и советских деятелей — создателей Мордовии как административно-территориального образования в современных границах, официальные документы о создании республики, текст первой республиканской конституции, декоративный герб Мордовской АССР, посетители обращают внимание на портрет Сталина на фоне карты строек СССР, а дальше — на расположенную к нему под прямым углом имитацию стены со входом в тюремную камеру. Визуализация роли Сталина в процессе создания мордовской автономии на выставке Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина (МРОКМ) к 90-летию Мордовской автономной области, расположенной в другом конце зала, дала повод журналистам популярной в республике газеты «Столица С» в статье, посвященной выставке, поблагодарить «товарищей Сталина и Калинина за нашу мордовскую автономию» после краткого описания истории Дубравлага.

4. Ресайклинг советского культурного наследия с целью конструирования позитивной корпоративной и территориальной идентичности прослеживается в музее Мордовского УФСИН в п. Явас, выполняющем, помимо просветительских, функции профориентации и профессиональной социализации.

В музейном интерьере кабинета следователя наряду с обычным оформлением рабочего кабинета первой половины XX в. (канцелярский стол, пишущая машинка, телефонные аппараты) и обязательным портретом Сталина можно увидеть манекен охранника в униформе этого периода и раритетные технические устройства, использовавшиеся в советской пенитенциарной системе: радиоприемники, фотоаппараты, видеокамеры, а рядом с выставкой советской техники — действующий игрушечный локомотив и макеты сооружений ИТЛ и Дома культуры п. Явас.

Это масштабное деревянное здание, спроектированное и построенное в 1930-е гг. заключенными,

является в поселке объектом ностальгии и памяти. В музее экспонируется его макет с портретами Сталина и других советских руководителей, с откидными деталями крыши, демонстрирующий его первоначальный облик, необычный для деревянного сооружения размер, сложную планировку и многофункциональность, включая кинозал, помещения для танцев, бильярда и других целей.

В целом экспозиция музея УФСИН по Мордовии демонстрирует преобладающую стратегию «культурного ресайклинга» (вторичной переработки смыслов) как технологии обращения с культурным наследием в контексте реинтеграции различных социальных и культурных контекстов [10, с. 91]. Эта технология в конечном итоге используется как инструмент конструирования и поддержания позитивной локальной и корпоративной идентичности, проблематичной для региона в целом. Аналогом повторного использования образа ДК как музейного экспоната в архитектурной среде Яваса можно считать размещение поселковой администрации в расположенном неподалеку здании школы того же периода, которое сохраняется вместе с советскими барельефами и скульптурой.

На основе данных наблюдения можно заключить, что экспозиции музеев Мордовии в части, посвященной визуализации темы массовых политических репрессий, несмотря на ее фрагментарность, выполняют основные функции мемориальных музеев — информационную, компенсаторную в аспекте осуждения репрессий и выражения сочувствия их жертвам, и воспитательную, которая заключается в организации не только экскурсионной работы, но и публичных мероприятий, служащих информационными поводами для дискуссий и общественных мнемонических практик. Результаты исследования в регионе позволяют заключить, что, не производя собственных диспозитивов увековечения памяти жертв репрессий, местные краеведы имеют возможности выбора мнемонических стратегий и событий советской истории в качестве объектов коммеморации. Экспозиции фокусируются на личности и деятельности жертв репрессий, а доминирующей стратегией остается историзация советских травм с характерным акцентом на деактуализации травмирующих событий.

Библиографический список

1. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Суверинной. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 400 с.
2. Simko C. Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma // *Sociological Theory*. 2020. Vol. 38. № 1. P. 51–77. DOI: 10.1177/0735275120906430.
3. Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.
4. Koleva D. Memory Archipelago of the Communist Past. Public Narratives and Personal Recollections. Cham: Springer, 2022. 296 p.

5. Bogumił Z. *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. New York: Berghahn Books, 2018. 302 p.

6. Голубев А.В. Прокрустово ложе бинарных оппозиций // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 58–64.

7. Gavrilova S. Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums // *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 70. № 5. P. 1–15. DOI: 10.1080/10758216.2021.1885981.

8. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в быв-

ших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.

9. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.

10. Франк С. «Ресайклинг» или «ресурс»? (Концепция культурного наследия советских 1930-х vs ЮНЕСКО) // Новое литературное обозрение. 2021. № 169 (3). С. 89–102.

References

1. Zavadskij A., Sklez V., Suverina K. (Eds.) *Politics of Affect: the Museum as a Space of Public History*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 400 p. (In Russ.).

2. Simko C. Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma. *Sociological Theory*. 2020. Vol. 38. No. 1. P. 51–77. DOI: 10.1177/0735275120906430.

3. Sodaro A. *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.

4. Koleva D. *Memory Archipelago of the Communist Past. Public Narratives and Personal Recollections*. Cham: Springer, 2022. 296 p.

5. Bogumił Z. *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. New York: Berghahn Books, 2018. 302 p.

6. Golubev A.V. The Procrustean Bed of Binary Oppositions. *Historical Expertise*. 2017. No. 3. P. 58–64. (In Russ.).

7. Gavrilova S. Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums. *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 70. No. 5. P. 1–15. DOI: 10.1080/10758216.2021.1885981.

8. Lyozina E. *The 20th Century: Working Through the Past. Transitional Justice Practices and the Politics of Memory in Former Dictatorships. Germany, Russia, Central and Eastern European Countries*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2021. 584 p. (In Russ.).

9. Rusen J. Crisis, Trauma and Identity. "Chain of Times": *Problems of Historical Consciousness*. Moscow: IVI RAN, 2005. P. 38–62. (In Russ.).

10. Frank S. Recycling or Resource? (The Concept of Cultural Heritage in the Soviet 1930s vs UNESCO). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2021. No. 169 (3). P. 89–102. (In Russ.).

Сведения об авторе:

О.А. Богатова, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Огарёва, Саранск, Россия.

Information about the author:

O.A. Bogatova, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Chair of Sociology and Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.